

A black and white portrait of a man with short dark hair, wearing a light-colored sweater and a dark, textured scarf. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is a dark grey with white musical notation, including notes, stems, and clefs, overlaid on a grid of horizontal lines.

ВЛАДКОЛЧИН

МУЗЫКАКАКШАНС

ПОБЕДИТЬ РАССЕЯННЫЙ СКЛЕРОЗ

РУКОПИСЬ, КОТОРАЯ ПОКОРИЛА РУНЕТ

Влад Колчин
Музыка как шанс. Победить
рассеянный склероз
Серия «Звезда Рунета»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19235747

Музыка как шанс. Победить рассеянный склероз / Влад Колчин: АСТ;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-094133-9

Аннотация

Нашу жизнь многое определяет: детские травмы, как физические, так и психологические, наши увлечения, хобби. Это история о том, как музыка спасла известного музыканта, Влада Колчина, которому поставили диагноз рассеянный склероз. Украденный велосипед, невыученные марши в армейском оркестре, выступления в местном кабаке Уфы на пару с второкурсницей Земфирой, белый рояль Дмитрия Гайворонского, списанные конспекты у Тани Долгополовой, знакомство с Джерри Кимом, прогрессирующая болезнь, диагноз, слепота и невероятная утомляемость, запись на студии «ДАТ», одобренный кредит на лечение, спасительный лес, трансплантация костного мозга и много, очень много музыки... История на 24 тональности. История о желании жить и творить,

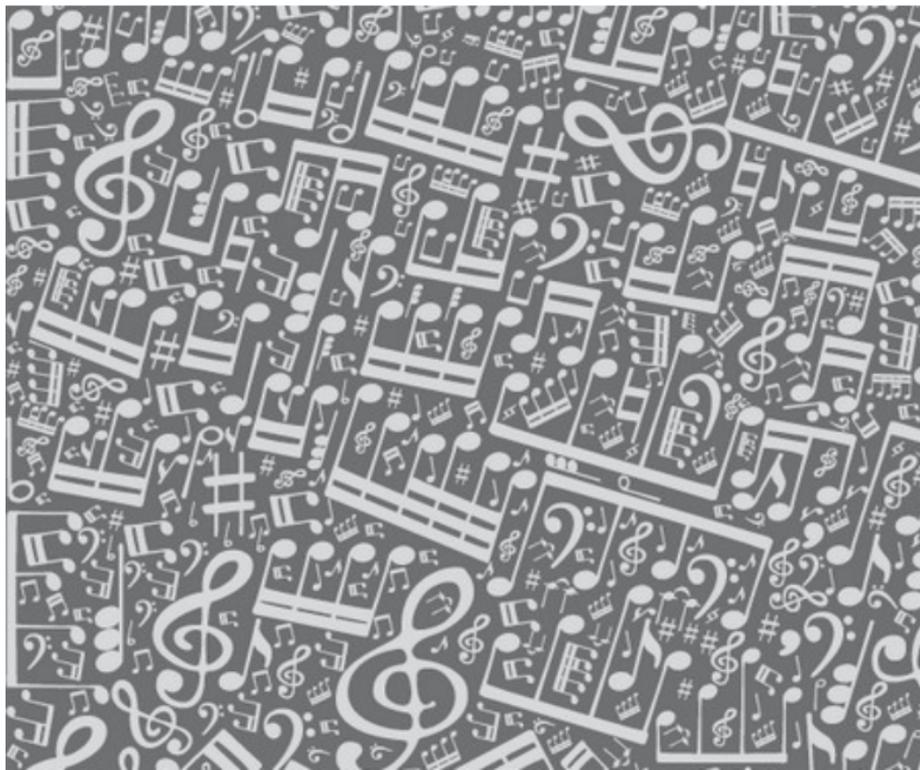
и о том, что второе рождает первое. Книга «Музыка как шанс» – это стечение обстоятельств под аккомпанировку саксофона, это удивительная история о том, что диагноз – это не приговор.

Содержание

Здравствуй, Человек!	6
1. Не мы такие, жизнь такая, вертеться надо. (С)	9
2. Уфа. (Am)	13
3. Женский вопрос. (G)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Влад Колчин
Музыка как
шанс. Победить
рассеянный склероз

Здравствуй, Человек!

В этой книжке 24 главы – эссе. В аккурат по числу тональностей случайно совпало.

Но речь пойдет не о тональностях. Это сложно, особенно для человека далекого от музыки. А о том, что как раз все может быть проще, чем кажется. Да, пожалуй о том.

И еще – об этом...

Потому что без этого вообще ничего не бывает.

Ну-у-у, скажешь, напустил туману!

А я пропущу мимо ушей и продолжу: если без этого ничего не бывает, то и тумана без этого не бывает, и меня, и тебя, и сказать нечего. Да и некому.

Сколько себя в сознании помню, про это и в прозе, и в стихах, но особенно пошло в песнях, получается. А без этого ничего не получается вовсе.

Ну вот, собственно, ты и догадался о чем книжка. Да-да, об этом. Других-то тем нет.

А представь, что ты не нужен. Нет, не ты, как цельная, состоявшаяся личность, с большой буквы «Я», такое как раз часто бывает, тебе просто об этом не говорят. А ты, как тот, в смешной шапке, которая над школьным ранцем торчит, если твой вид сзади рассматривать. Представь, что он не нужен.

Он сегодня пятерку получил по предмету, по которому ему и тройка – праздник. Где-то выучил или узнал случайно и теперь домой спешит, рассказать, весь радостный – полностью! Еще и на «АБВГДейку» успевает по телевизору!

Вот он не нужен. Ему не так просто сказали, ему так сегодня сделали. И вчера. И после. И всегда.

Но книжка не о том, к счастью, а об этом.

Об этом уже романтические подростки посопливили, мудрые женщины потерпели, молчаливые мужчины поделали, а значит, и мне это слово совсем не обязательно произносить.

А когда будешь уходить – закрой поплотнее дверь. Только свет за собой оставь, не выключай.

1. Не мы такие, жизнь такая, вертеться надо. (С)

«Все относительно... А. Эйнштейн?»

...И вырваться из этого состояния невозможно. Все как тогда, когда я шел из парка Гагарина, и слезы лились ручьем. Ужас произошедшего как будто сковал голосовые связки ребенка, и я, задыхаясь от понимания своего горя, в равнодушной тишине хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Мне было шесть лет. Стучилось то, о чем предостерегала моя бабушка:

– Владик, не ездь в парк, лисапет отымут.

Так и произошло. Этот кошмар еще долго по утрам посещал меня в момент пробуждения, до открытия глаз. В минуты пограничного состояния сознания – между сном и реальным миром. И теперь я знаю – где-то на метафизическом уровне болезнь началась тогда.

Мы жили в Стерлитамаке. В маленьком уютном, хоть и загазованном промышленном городке. Куда бы я ни попадал, я чувствовал любовь людей, которые были рядом. Много людей, и все меня любили: бабушка, пекущая блины и сладкие пирожки с морковкой, большая веселая семья, дед с пчела-

ми, смешно разъясняющий физиологические отличия между мальчиками и девочками своему малолетнему внуку, собаки во дворе, охраняющие меня, – первые друзья. Сейчас это представляется таким трогательным...

Я рано научился кататься на двухколесном велике. Родственники подарили мне велосипед очень редкой модели – «Подросток». Он считался женским, поскольку у него не было перекладины посередине рамы, как у мужских «Подростков», и я мог на нем ездить, несмотря на мой маленький рост. Помню, как вскарабкиваясь на него, я часто бубнил себе под нос две какие-то выдуманные песенки. Первая – понятная всем окружающим, пионерская, патриотическая. Подобные песни звучали каждое утро по радио. А вторая – странная, совершенно не понятная никому и даже мне. Эта вторая, была заграничная, и она исполнялась на тарабарском языке. Такие песни наверняка пели в других, далеких, неизвестных мне странах, о существовании которых я мог только догадываться. С этим незамысловатым, но разнообразным репертуаром я использовал каждую свободную минуту, чтобы залезть на велосипед, и был этим счастлив.

Они были намного старше. Я сам отдал велосипед, когда попросили «покататься». Нет, испугаться не успел тогда. Какой-то мальчишка мелкий, чуть старше меня, крутился рядом, пытался помешать им, кричал: «Не давай, он угонит!» А его отталкивали взрослые. Где теперь 1 этот светлый мальчик?

По наивности и растерянности детской велосипед отдал им. Страх не знал тогда еще. Теперь знаю, но уже не страшно. Устал от него. Улыбаюсь. Кажется велосипед тот, отнятый, намного ценнее сейчас, чем жизнь. Потому что знаю – умереть – не самое страшное в жизни, а в страхах важен градус.

Что такое страх умереть перед страхом стать растением? Превратиться в биологический организм, из-под которого достают горшки, кормят из ложечки и выносят «гулять» на балкон как кактус...

Видеть, как от тебя уходят самые близкие, и совсем не потому, что они черствые и равнодушные, а как раз наоборот – потому что в силу своей душевной близости к тебе, но невозможности помочь, от осознания своего бессилия в течение долгих лет, которое будет разрушать их, они предпочтут о тебе не думать.

И вот лежу я теперь в стеклянном боксе со шлангами в туловище и думаю себе: «А действительно ли от меня зависит принятие судьбоносных решений?» И «да», и «нет». Бояться бесполезно. Да – вчера я своей рукой подписал согласие на трансплантацию костного мозга. Вызов, который я принял? Пожалуй – нет.

Этим врачам, почему-то верил. Хотел верить. Несмотря на то, что уже посмотрелся на человеческие пороки в белых халатах. Больные тяжелыми заболеваниями – это такие же Владики с велосипедами, а продавцы от медицины представ-

ляются теперь обычными гопниками.

Что они продают под видом дорогих лекарств, которые не лечат? Свою душу? Забавно. За наш счет. Видно, важные мы люди, раз некоторые даже душу свою без нас продать не могут. «Жизнь такая, вертеться надо»? Расскажите мне, какая у вас «такая жизнь». Обиды нет у меня. Да и не о том моя история.

2. Уфа. (Am)

*«Как только закончили нацисть, сразу –
встречайте!»*

Мы переехали из Стерлитамака в Уфу, когда мне было восемь. Отцу пришлось бросить музыку и поступить на государственную службу в МВД, поскольку на деньги, зарабатываемые игрой на баяне, прокормить семью было невозможно.

Жили мы рядом с его службой – больницей для заключенных, в коммунальном бараке с сумасшедшей соседкой преклонных лет, в двух комнатах площадью двадцать один квадратный метр с печкой, без горячей воды, на первом этаже, где вскоре родилась моя сестра.

Соседи наши были преимущественно люди хорошие, но в массе своей со слабостью к алкоголю.

Слабость эта была так сильна в них, что никак не давала нашему участковому капитану милиции забывать о существовании этой слабости у жильцов вверенного ему дома.

Не по этой причине он застрелился. Он застрелился, оттого что он, честный мент, не смог пережить позора, когда его сына посадили в тюрьму за торговлю наркотиками. Вообще, честные и порядочные люди в то время становились все больше не в чести.

Иногда, когда соседская слабость набирала предельную силу, отец, руководствуясь народной мудростью «С волками жить – по-волчьи выть», выпивал водки и выходил на тропу войны с человеческими слабостями и пороками, уча соседей хорошим манерам посредством выхода из себя. В гневе папа был не похож на Белоснежку в крайней степени.

Не то что бы беготня с топором по двору за соседями с целью прививания им хороших манер была доброй традицией, но необходимой профилактикой назойливости – несомненно.

Безумная соседка по коммунальной квартире писала на нас жалобы в милицию о том, как мы залазили в ее обвязанный веревками холодильник с целью похищать по сорок пачек чая за каждую вылазку, взамен подсыпая отраву в ее кефир. Бутылки из-под кефира бабушка по имени Мархаба периодически носила на экспертизы, что не препятствовало ей продолжать завязывать морские узлы на холодильном средстве, обеспечивая свою продовольственную безопасность. Мы часто встречались с нашим участковым на тем: «Для чего нам столько чая и чем нам помешала бабушка». Вскоре выяснилось, что Мархаба давно уже наблюдалась у районного психиатра, и мы вздохнули с облегчением.

Ничто не могло потревожить наш уютный, размеренный быт. Может только изредка я просыпался ночами, разбуженный унылым пением строевой песни курсантов школы младших сержантов, располагавшейся через дорогу от нашего до-

ма. Самая громкая строчка их унылой песни звучала так: «Когда поют солдаты, спокойно дети спят». Я чувствовал себя счастливым, а благодаря сонному пению солдат, надежно защищенным.

Тогда я не понимал и не мог понимать, откуда у меня появилась тяга к лидерству, перемешанная с гипертрофированным чувством справедливости. Вокруг меня почти не было сверстников. Со взрослыми, как и всем детям, мне было всегда интереснее, чем с одноклассниками. Ну а младших я стремился защищать. Я был хорошим мальчиком с большими красивыми глазками, за которые учителя ставили мне отметки на балл выше, чем я заслуживал. То есть я был троечником.

Везде, где бы я ни появлялся, вокруг меня довольно быстро образовывался круг оберегаемых младших друзей и девочек. Одним из таких друзей был Владик Багин, с которым мы поделили двор на «нашу» территорию и весь остальной мир. Остальной мир периодически нарушал установленную нами границу. Мы с тезкой решительно выступали на защиту наших владений, и я дрался. Как и у всех детей подобного поведения, друзей у меня стало прибывать очень быстро. Их поток в наш дом не иссякал. У подъезда постоянно собирались малолетние компании. Мать ругалась, что наша дверь не закрывается благодаря визитерам, хотя в ее возмущении прослушивалось плохо скрываемое удовольствие от такого положения вещей.

Как и большинство подростков, я рос уличным балбесом без определенных занятий и хобби кроме, тех, которые для меня время от времени придумывал отец. После того, как окончилась крахом его попытка обучить меня игре на баяне, он провозгласил лозунг: «Все! Никаких музык!» Ибо я проявил завидную неспособность к обучению и лень. Он нашел для меня радиотехнический кружок, чтобы меня чем-то занять, кроме «самбо-дзюдо», которым я занимался так же без особого энтузиазма.

Апофеозом этого предприятия было торжественное включение светомузыки, которую я собирал в течение двух лет, приведшее к сгоранию электропроводки во всем доме моего одноклассника, где и демонстрировался триумф технической мысли. Примерно в тот же самый период отец сдал меня в библиотеку имени «Н.К.Крупской», и я начал периодически, что-то почитать.

Все шло своим чередом, и папа уже мечтал о «нашем» поступлении в Суворовское училище, когда бы не появление у меня очередного друга. Его звали Димка Онин. Мы познакомились в пионерском лагере, куда я был сослан по причине летних каникул, предполагаемого оздоровления и необходимости родителей отдохнуть хотя бы от одного ребенка. Димка играл на гитаре и был очень компанейским парнем. Он был душой любой компании. После того, как мое умение танцевать нижний брейк, модный в то время, в тряпки разорвалось перед его игрой на гитаре, я пришел к выводу, что

мой творческий путь завел меня в тупик.

Приехав из пионерского лагеря, я поведал матери о таком ударе судьбы и желании учиться музыке. После чего мы тайком от отца приобрели в уфимском универмаге под креативным названием «Уфа» музыкальный инструмент типа «Гитара», выпущенный Уфимской мебельной фабрикой по цене 18 рублей 50 копеек за штуку, с гарантией. И впоследствии небезуспешно прятали оную под кроватью несколько месяцев кряду, памятуя о провозглашенном отцом лозунге: «Никаких музык!». Когда наш заговор раскрылся, я уже знал несколько аккордов, текст песни «Я буду долго гнать велосипед», а деньги за гитару вернуть было невозможно. Другими словами – дело было сделано.

В этот год я бросил свое «самбо-дзюдо» и пошел на рукопашный бой в «Военно-патриотический клуб». Это был конец 80-х годов. Мало кто осознавал из тогда живущих в стране, что за словами «военный» и «патриотический» уже мало что стоит.

У Ришата, так звали тренера, я сразу оказался в числе любимчиков, поскольку пришел к нему более менее подготовленным, в отличие от основной массы мешков. К тому же у меня было кимоно и скудное знание ударов из карате, переданное мне отцом, который увлекался этим видом единоборств.

На первой тренировке Ришат произнес речь: «Пока вы будете вставать в стойки, вас десять раз убыют». Дальше, я ду-

маю, об этом спорте догадливому читателю рассказывать ничего не надо, потому как это был такой же спорт, как из лягушачьего хвоста – хвост.

После занятий мы ходили в городскую баню толпой подростков во главе с тренером. Он был весь полосатый как зебра от шрамов, на руке была пересажена кожа. Все говорило в этом человеке о его причастности к множеству экстремальных ситуаций, и все мы хотели быть похожими на него. Он был для нас старшим другом, способным решать любые проблемы.

Ришат был на короткой ноге с криминальными авторитетами, группировками спортсменов, держащими в страхе рыночных коммерсантов, милицией и даже чиновников. Как выяснилось впоследствии, бывший морпех Ришат числился в резерве КГБ, имел награды, ранения и неафишируемое офицерское звание. Нас мало интересовало, было ли создание подросткового клуба его заданием, имеющее (как я сейчас догадываюсь) под собою цель – взять под контроль активную молодежь, или это было продиктовано его личным творческим порывом.

Он уезжал часто и неожиданно, так же как появлялись люди, заменявшие его на тренировках. По приезду Ришат ронял какие-то расплывчатые, многозначительные фразы о каком-то Карабахе, Прибалтике, о каких-то горячих точках и пропадал снова.

Я учился в восьмом классе средней школы, по-прежнему

не выказывая никакой особенной заинтересованности к чему-либо, до тех пор пока не грянул очередной гром в моей жизни – я впервые влюбился.

3. Женский вопрос. (G)

«Все проблемы из-за безделья и баб, причем одно порождает другое...»

Прапорщик Хазиев

Оля Голубева обучалась в параллельном классе и была красивой девочкой, одновременно похожей на кавказскую пленницу из фильма «Кавказская пленница». Красную Шапочку из фильма «Красная Шапочка», гостью из будущего из фильма «Гостья из будущего» и Эмануэль из фильма... Ну, вы поняли... Как следствие, за Олей ухаживали парни из старших классов. Я в этой ситуации был объективным лузером, несмотря на активное участие в школьной самодеятельности в качестве гитариста.

Она не замечала меня! Частые подсылания к ней моих друзей с букетами не достигали ожидаемого успеха. Оля состояла в комсомольском комитете школы, и мне пришлось вступить в комсомол из-за нее. Все тщетно! Плодов мои усилия не приносили.

Оставалось одно – страдать. Либо второе – страдать и что-то делать.

В следующем году комсомол прекратил свое существование, а я и безответная любовь остались. И с этим нужно было как-то жить. До сих пор достоверно неизвестно – являлся ли

я «всадником апокалипсиса» для комсомольского движения Союза Советских Социалистических Республик, или нет, но то, что первая, безответная, любовь пробудила во мне желание петь – это факт.

Сия сублимированная энергия не замедлила принести свои, несомненно, полезные дивиденды.

Во-первых, я начал сочинять песни, а во-вторых, я стал чаще драться. По поводу второго нужно сделать оговорку. Двухметрового роста я никогда не был и, надо признать, богатырского телосложения тоже. Обычно меня попросту били. Но поскольку амбиции защищать всех и каждого требовали реализации, «обиженных» я находил довольно быстро, вне зависимости от того, считали обиженные себя «обиженными», или нет. А там и до обидчиков добраться было можно. В этом месте повествование так же требует ремарочки.

Я был страстным поклонником Виктора Цоя и, посмотрев фильм «Игла», где он играл роль последнего героя, хотел быть похожим на него, и крушить злодеев оптом, опровергая расхожее мнение общественности о том, что «последний» герой Виктор, а не я. Местные злодеи были не в курсе моего мотива и крушиться не соглашались.

Я не отчаивался и находил себе все новые приключения. Донкихотство было вопиющее и осложнялось подростковой реактивностью, несмотря на то что порой было страшно, а потом зачастую больно.

Все это действо проходило на фоне разрушающегося

СССР, со всеми последствиями краха прежних институтов власти. Комсомольские лозунги с легкостью заменялись воровскими понятиями. Стиль общения из «торжественно-истеричного» превращался в «бывало-усталый».

И пока государственная система разваливалась, будущее страны сидело на корточках во дворах, учась плевать через губу, ботать по фене, а также раскидывать и распутывать рамсы.

Среди моих друзей были музыканты, гопники и неопределившиеся балбесы.

В поисках своего места в новорожденном демократическом обществе, однажды я даже пошел на гоп-стоп со своими приятелями, которые иногда практиковали эту форму познания окружающего мира. Нас было трое, нам было весело, мы поймали ночью какого-то бедолагу, забрали у него часы и деньги. Я ничего из этого себе не взял. Впоследствии мне было стыдно об этом вспоминать. Если бы он стал защищаться, я бы упал сам сразу, причем от стыда. Доблести, а впоследствии и оправданий нашему поступку я не находил. Больше такого не повторялось никогда.

Уголовная романтика не была мне близка. И не потому что я какой-то особенный... А почему 1 это кстати, я не особенный? Конечно особенный!

Во-первых, я так сам считал. Во-вторых, так считали многие, кто меня знал, а знали многие. Как я этого добился? Внимание, рассказываю, как добыть славу в пятнадцать-сем-

надцать лет.

Я довольно быстро понял, что в ситуации, когда в моей компании выдающихся бойцов нет, да и сам я не Илья Муромец, необходимо что-то противопоставить кодам себе подобных. Я решил вырубать всегда самого борзого. Такая тактика не безболезненно, но приносила свои плоды. А слухи, обрастаемые небылицами, мгновенно распространяются среди подростков сами собой.

Были, конечно, и негативные стороны, но мама уже знала названия необходимых медикаментов, способы их применения и дозы, а таз для ночного блевания после очередного сотрясения мозга всегда стоял под кроватью. Желтый.

Когда после провальных выпускных экзаменов в школе стало ясно, что ни в какое Суворовское училище я не попаду, отец устроил меня в радиотехнический колледж, откуда я в свою очередь был изгнан за систематические прогулы и поведение, недостойное гордого звания радиотехника. Вместо лекций я посещал актовый зал, где мы с друзьями почти каждый день что-то репетировали. У меня была дама сердца, пусть она была не со мной, но песни придумывались, и когда-нибудь она обязательно должна была обо мне узнать и, вырывая волосы со своей головы, воскликнуть: «Боже, как же я была слеп!» Да. Так я думал.

В этот пубертатный период меня начала буквально преследовать одна особа. Я мало интересовался девушками, за исключением той единственной, о которой я уже неодно-

кратно упоминал.

И тем не менее...

Женька тренировалась у Ришата и была его любимицей. Когда я появился на тренировках, Ришат стал больше времени уделять мне, а не ей, как было прежде. Она стала ревновать и, разумеется, все больше интересоваться новеньким. Девушка была стройная, красивая и дерзкая. Женька была мастером провокации. Она везде была звездой с талией пятьдесят пять сантиметров, я же был к ней равнодушен. Мой прозорливый читатель может без труда выстроить причинно-следственную связь наших дальнейших отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.